

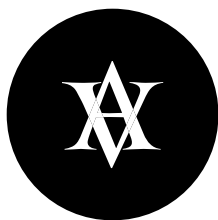


РАЙЧЕЛ
МИД

КРОВНЫЕ
УЗЫ



МОСКВА



КРОВНЫЕ УЗЫ:

Принцесса по крови

Золотая лилия

Чары индиго

Пламенное сердце

Серебряные тени

Рубиновое кольцо





РАЙЧЕЛ
МИД

КРОВНЫЕ
УЗЫ



МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М57

Richelle Mead
THE FIERY HEART: A BLOODLINES NOVEL
Copyright © 20013 Richelle Mead

Мид, Райчел.

М57 Кровные узы. Книга 4. Пламенное сердце / Райчел Мид; [перевод с английского О. М. Степашкиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-222551-2

Сидни Сейдж приходится слишком многое скрывать от любимой младшей сестры Зои, которая теперь работает вместе с ней. Общение с колдуньями. Личную жизнь. Магические эксперименты. Зоя беззаветно предана миссии алхимиков и лично их властному отцу. Узнав любой из секретов сестры, она наверняка отвернется от нее. Есть ли у Сидни шанс показать Зое, что жизнь не ограничивается слепым служением?

Тем временем Адриан творит настоящие чудеса с магией духа — возможно, это поможет однажды получить защиту от стригоев. Но плата за достигнутое все страшнее, так что придется решить, стоят ли его удивительные способности безумия, которое приходит следом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-222551-2

© Степашкина О.М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

Адриан

Я не вру. Если парень заходит в комнату и видит, что его девушка читает книгу с названием «Имя для младенца», он вполне может подпрыгнуть.

— Я не специалист... — начал я, тщательно подбирая слова. — Хотя, нет, наоборот. И я совершенно уверен, что нам нужно кое-что сделать, прежде чем тебе потребуется читать данное произведение.

Сидни Сейдж, вышеупомянутая девушка и свет моей жизни, даже не подняла взгляд, хотя на губах ее промелькнула улыбка.

— Я готовлюсь к инициации, — сообщила она будничным тоном, будто речь шла о походе в парикмахерскую или в булочную, а не о вступлении в ковен колдуний. — Мне требуется «магическое» имя, которое они используют во время собраний.

— Ага. Имя, инициация. Серые будни, да?

Чья бы корова мычала. Я и сам — вампир, обладающий поразительной и трудной для понимания способностью к целительству и умением подчинять людей, но...

На сей раз меня вознаградили настоящей широкой улыбкой. Лучи послеполуденного солнца, проникав-

шие в комнату, озарили глаза Сидни, и в них засверкали янтарные искры. Потом Сидни заметила стопку коробок у меня в руках, и ее глаза тотчас округлились.

— А это что?

— Революция в музыке, — объявил я, почтительно сгужая ношу на пол. Затем я открыл верхнюю коробку и включил проигрыватель. — Один парень продавал свои вещи в кампусе, и я решил, что это знак. — Я занялся следующей коробкой — уже с пластинками — и достал «Слухи» «Флитвуд Мэк». — Теперь буду слушать музыку в чистейшем, можно сказать, виде.

Похоже, на Сидни ничего не произвело впечатления. Удивительно для человека, считающего мой «Мустанг» 1967 года выпуска — Сидни назвала его Ивашкинатором — своего рода святыней.

— Лично для меня цифровая музыка неплохая. И зачем выбрасывать деньги, Адриан? Я запросто загружу все песни, которые есть у тебя на виниле, на свой телефон.

— А те шесть коробок, которые пока лежат в машине, туда тоже поместятся?

Сидни изумленно моргнула и насторожилась.

— Адриан, сколько ты денег отдал за кучу хлама?

Я отмахнулся от вопроса.

— На платежи за машину у меня хватит. Впритык. — По крайней мере, мне не надо было платить за квартиру — я уже позаботился об этом заранее, но у меня хватало и других счетов. — Кроме того, мой раздел бюджета на подобные расходы вырос, потому что кое-кто заставил меня бросить курить и урезал выпивку.

— Я забочусь о твоём здоровье, — лукаво заявила Сидни.

Я сел рядом с ней.

— А я — о твоём и борюсь с твоей кофейновой зависимостью.

Мы заключили сделку и создали своего рода группу поддержки. Я бросил курить и пил не больше одной порции в день, а Сидни сменила свое маниакальное сидение на диете на рациональный подсчет калорий и пила только чашку кофе раз в сутки. Кстати, ей пришлось тяжелее, чем мне. Сперва я думал, что буду вынужден сдать ее в центр восстановления для кофейных маньяков.

— Ошибаешься, — обиженно буркнула Сидни. — У меня такой стиль жизни.

Я рассмеялся, потянулся к ней для поцелуя, и, как всегда, мир исчез. Теперь не существовало ни названий книг, ни пластинок, ни дурных привычек. Осталась лишь она и прикосновение ее губ, мягких и одновременно обжигающих. Окружающие уверены, что Сидни холодная и уравновешенная. Только мне известно о скрытой в ее душе страсти и жажде — ну, еще и Джилл, девушке, которая может заглядывать в мой разум, поскольку мы связаны сверхъестественными узами.

Когда я укладывал Сидни на кровать, у меня в голове опять пронеслась мимолетная мысль о том, что мы намерены совершить нечто запретное. Люди и вампиры-морoi перестали смешивать свою кровь в Средние века, когда мой народ скрылся от чужих глаз. Мы сделали это из соображений безопасности, решили, что лучше будет, если мы сохраним наше существование в тайне от других. Сейчас и морoi, и простые смертные (разумеется, алхимики) считают подобные отношения неуместными, а некоторые — дурными и извращенными. Но мне все равно. Мне плевать на все, кроме Сидни и ее прикосновений, сводящих меня с ума, хотя ее спокойствие и сдерживает бушующую во мне бурю.

Конечно, мы не выставляем наши чувства напоказ. Наш роман хранится в глубокой тайне, и нам приходится таиться и тщательно рассчитывать время. Но даже оно утекает сквозь пальцы. Сегодня мы действовали по спланированному сценарию. Последний урок у Сидни отведен под самостоятельные занятия. Снисходительный преподаватель позволяет ей уйти раньше, и у нее появляется возможность приехать ко мне. Мы тратим наш драгоценный час на поцелуи и объятия — или разговоры. Но чаще — на поцелуи, еще более неистовые из-за давления, под которым мы живем. Затем Сидни возвращается в кампус, как раз к тому моменту, когда ее прилипчивая и ненавидящая вампиров сестра Зоя влетает в их общую комнату.

У Сидни имеются свои внутренние часы, которые, наверное, оснащены сигнальным звонком. Я думаю, это часть ее врожденной способности следить за сотней вещей одновременно. Я так не умею. В данные секунды я, например, был поглощен исключительно тем, как стащить с Сидни блузку, и думал, получится ли снять с нее бюстгальтер. Увы, пока мне не очень везло.

Сидни уселась, раскрасневшаяся, с взъерошенными волосами. Она была настолько красивой, что у меня сжалось сердце. Мне всегда отчаянно хотелось, чтобы я мог нарисовать ее в такие мгновения и обессмертить ее взгляд. В ее глазах появляется нежность — настоящая редкость для нее, — а еще уязвимость человека, который привык вести себя сдержанно и рассудительно. Но хотя я неплохой художник, перенести Сидни на полотно мне не под силу.

Сидни надела и застегнула коричневую блузку, пряча бирюзовое кружево под консервативной одеждой,

которую она носит как броню. Между прочим, недавно она провела ревизию своих бюстгальтеров. Я часто грустил, когда они скрывались из вида, но был счастлив знать, что они облегают ее тело — яркие, скрытые ото всех цвета ее жизни.

Когда Сидни подошла к зеркалу в моем шкафу, я воспользовался магией духа, чтобы проверить ее ауру — энергию, окружающую каждое живое существо. Краткий всплеск удовольствия от магии — и я узрел сияние вокруг Сидни. Все как всегда: желтый цвет ученого уравновешивал насыщенный фиолетовый страсти и духовности. Одно мгновение — и аура угасла, вместе со смертоносным весельем духа.

Сидни закончила причесываться и посмотрела вниз.

— Что это?

— А? — Я шагнул к Сидни и обнял ее за талию.

Затем я понял, что она нашла, и оцепенел. Сверкающие запонки с рубинами и бриллиантами. Тепло и радость в моей душе сменились холодной, но знакомой мрачностью.

— Мне несколько лет назад подарила на день рождения тетя Татьяна.

Сидни подняла запонку и пытливо на нее уставилась. Настоящий знаток!

— Они стоят целое состояние. Они из платины. Продай их — и будут тебе карманные деньги. На все пластинки, какие пожелаешь.

— Я их продам не раньше, чем начну ночевать под мостом.

Сидни заметила произошедшую во мне перемену и забеспокоилась.

— Эй, я же пошутила. — Ее рука нежно коснулась моей щеки. — Все хорошо.

О нет. Мир внезапно сделался жестоким, лишенным надежды местом, опустевшим со смертью моей тети, королевы мороев и единственной из всех моих родственников, кто не осуждал меня. В горле у меня встал ком, а стены будто сдвинулись. Я вспомнил, как Татьяну закололи. Кровавые фотографии с ее телом выставляли напоказ, когда пытались обнаружить убийцу. И неважно, что его арестовали и приговорили к смерти. Тетю Татьяну не вернуть. Она покинула меня, и я не мог за ней последовать — во всяком случае, пока. Я остался здесь — одинокий, ничтожный, мечущийся...

— Адриан.

Голос Сидни был ласковым, но твердым, и я медленно всплыл из пучины отчаяния, способного стремительно охватить меня и почти задушить. Я вырвался из тьмы, что возрастала год за годом — вместе с использованием духа. Вот цена за возможность владеть магическим могуществом. Что ни говори, а мои внезапные приступы с некоторых пор участились. Я посмотрел в глаза Сидни, и мир снова стал цветным. Я по-прежнему тосковал по тете, но Сидни, моя надежда и мой якорь, находилась рядом. Меня понимали. Сглотнув, я кивнул и слабо улыбнулся. Темная хватка духа отпустила меня. На время.

— Ничего, я в норме, — увидев сомнение на лице Сидни, я чмокнул ее в лоб. — Правда. Тебе пора, Сидни. А то Зоя не поймет. И ты опоздаешь на свое колдовское сборище.

Сидни еще несколько мгновений смотрела на меня с тревогой, но вскоре расслабилась.

— Ладно. Но если тебе что-нибудь будет нужно...

— Знаю. Звони по Любовному телефону.

Сидни просияла. Недавно мы с ней купили мобильники, работающие на предоплате, чтобы алхимики (типы из организации, на которую работает Сидни) нас не засекли. Не то чтобы они постоянно прослушивали ее основной номер — но они определенно могли это сделать, если бы решили, что творится нечто подозрительное. А мы не хотели оставлять след из звонков и смс.

— Я приду ночью, — добавил я.

Сидни посуровела.

— Адриан, нет. Слишком рискованно.

У пользователя духа есть отличная возможность — он способен навещать людей в их снах. Это удобный способ поболтать, потому что днем у нас на разговоры вообще не хватало времени. Но как и всякие «фокусы», связанные с духом, такой род магии был сопряжен с риском для моего рассудка. Сидни даже пугалась моего дара, но я считал издержки малой ценой за шанс побыть с ней.

— Не спорь! — заявил я. — Я не намерен расставаться с тобой. А ты ведь хочешь знать, что творится у меня, верно?

— Адриан...

— Я ненадолго, — пообещал я.

Сидни вяло согласилась — вид у нее был отнюдь не веселый — и направилась к двери. Когда мы проходили через гостиную, она притормозила у аквариума, который красовался у окна. Улыбнувшись, Сидни присела и постучала по стеклу. В аквариуме жил дракон.

Я серьезно. Строго говоря, он именовался каллистаной, но мы редко использовали научный термин. Мы дали ему прозвище Прыгун. Сидни вызвала его из какого-то демонского царства, чтобы он стал ее помощником. Но, в основном, он стремился помочь нам избавиться от вредной еды в моей квартире.

Я и Сидни были связаны с Прыгуном некими узами, и для сохранения здоровья ему требовалось, чтобы мы оба заботились о нем. Но после приезда Зои дракончик переселился ко мне. Сидни сняла крышку с аквариума и позволила золотистому чешуйчатому созданию взбежать по руке. Прыгун тарашился на нее с обожанием, и я хорошо его понимал.

— Я его ненадолго усыплю, — сообщила она. — Как ты согласишься на перерыв?

Прыгун мог существовать в своем натуральном, живом виде или превращаться в статуэтку — очень удобно на случай визита посторонних. Впрочем, преобразить каллистана могла лишь Сидни.

— Отлично. Он пытается съесть мои брюки. И ему незачем глазеть на то, как ты целуешь меня перед уходом.

Сидни почесала дракончику шейку и произнесла заклинание, обратившее его в камень. Так все гораздо проще, но, опять же, каллистане необходимо иногда пробуждаться. Ну и я сам привязался к прыгучей мелюзге.

— Я заберу его, но обязательно верну, — сказала Сидни, пряча статуэтку в сумку.

Я кивнул. Пребывание рядом с Сидни было ему полезно.

Освободившись от взгляда глаз-бусинок, я подарил Сидни на прощание долгий поцелуй. Мне не хотелось, чтобы он прекращался, и я заключил лицо Сидни в свои ладони.

— План побега номер семнадцать, — шепнул я. — Сматываемся и открываем бар с соками в Фресно.

— Почему в Фресно?

— Мне кажется, народ прямо умирает от жажды.

Сидни промолчала, но ответила на мой поцелуй.

Подобные планы стали для нас дежурной шуткой — они всегда были дурацкими и нумеровались безо всякого порядка. Обычно я сочинял их в одну секунду. Впрочем, я не сомневался, что были даже более реальны, чем любая из наших перспектив. И Сидни, и я до боли остро осознавали, что у нас есть лишь настоящее, а будущее скрыто в тумане.

Прекратить второй поцелуй оказалось непросто, но в конце концов Сидни это удалось. Она покидала меня, а я смотрел ей вслед. Теперь моя квартира сделалась темнее.

Я принес из машины остальные коробки и принялся копаться в сокровищах. Большинство пластинок относились к шестидесятым и семидесятым годам, но попадались и экземпляры из восьмидесятых. Они лежали кучей, бессистемно, и я не пытался разобрать их. Хоть Сидни и заявила, что их покупка — бессмысленный поступок, она не удержится и рассортирует винил по исполнителям, жанрам или по цвету конвертов. А я перетащил проигрыватель в гостиную и выбрал пластинку наугад. Мне попались «Дип Пёпл», «Машин Хэд».

У меня была еще пара часов до обеда. Я присел перед проигрывателем и, уставившись на пустой холст, гадал, как быть с моим домашним заданием — а задали нам нарисовать автопортрет. Не обязательно свое точное подобие. Он мог быть и абстрактным. Да каким угодно, лишь бы он выражал меня. И я почувствовал себя загнанным в тупик. В принципе, я способен орудовать кистью. Хотя я не в силах передать тот восторженный взгляд, каким на меня смотрит Сидни, когда я обнимаю ее, но я могу изобразить ее ауру или цвет ее кожи. Я могу нарисовать мечтательное, нежное лицо моей подруги Джилл Мастрано Драгомир, юной принцессы

мороев. Я могу сделать набросок пламенеющих роз в честь моей бывшей возлюбленной: она разбила мое сердце, но я до сих пор восхищаюсь ею.

Но себя самого? Я не представляю, как... Возможно, я впал в ступор художника или толком не знаю себя. Я пялился на холст, досадуя все больше, и сражался со стремлением отправиться к моему обделенному вниманием бару. Спиртное не обязательно улучшает творение, но обычно порождает вдохновение. Я буквально ощущал во рту вкус водки. Можно смешать ее с апельсиновым соком и притвориться, будто так она полезнее для здоровья. Пальцы мои сжались, а ноги чуть не понесли меня на кухню — но я сопротивлялся. В памяти всплыл пылкий образ Сидни, и я опять сосредоточился на холсте. Я могу быть трезвым живописцем! Я обещал ей, что буду пить раз в день, и я сдержу слово. Если честно, я особенно нуждаюсь в выпивке вечером — перед сном. Я плохо сплю. Я долгое время мучился от бессонницы, поэтому прибегал к любимым мерам.

Однако вдохновения мое здоровое решение не принесло, и когда стрелка подходила к пяти часам, холст все еще оставался пустым. Я встал и потянулся, а прежняя тьма вновь нахлынула на меня. Она была скорее гневной, чем печальной, дополненной раздражением на свою неспособность справиться с заданием. Мои преподаватели твердили, что я талантлив, но я чувствовал себя раздолбаем и прирожденным неудачником, каковым меня считало большинство. Это очень меня угнетало, когда я возвращался мыслями к Сидни. Она — такая умница и легко добьется успехов на любом выбранном ею поприще. Даже если забыть о сложностях вампирско-человеческих отношений, я не раз задумывался — а что я могу ей предложить?